

«esse objectivum»***, по его мнению, делает невозможным образование высказываний, способных коснуться реальности. Единственным объективным бытием видимой вещи было для него бытие самой этой видимой вещи. Но можно было быть францисканцем и реалистом****, не будучи последователем Дунса Скота. Тот факт, что Четтон не находит доказательного аргумента в пользу единственности Бога, сближает его как с Уильямом из Уэре и Маимонидом, так и с Дунсом Скотом и, может быть, даже с Аристотелем в его прочтении. То же замечание можно сделать и в отношении Уолтера Бурлея (Burleigh, Burlaeus, ум. после 1343)*****. В своем «Комментарии» к «Физике» Аристотеля он в связи с ее VII книгой обращает наше внимание на то, что никогда не мог понять, как содержащееся там доказательство может быть достаточным для подтверждения существования непод-

467

1. Дуне Скот и реалисты XIV века

вижного Перводвигателя. Оно и в самом деле недостаточно и даже не претендует на это, если речь идет о единственном неподвижном Перводвигателе. Это замечание указывает на то, что Бурлей, автор книги «О жизни и смерти философов» («De vitis et moribus philosophorum»), написание которой его вдохновил пример Диогена Лаэртского, не был лишен дарования историка философии. Его довольно обширное наследие включает несколько трактатов по логике («De puritate artis logicae», «Obligationes», «Sophismata»*), комментарии к «Органону» Аристотеля и к «Книге о шести началах» («Liber sex principiorum») и несколько трактатов по философии («De materia et forma», «De intensione et remissione formarum», «De potentiis animae», «De fluxu et refluxu maris Anglicani»* *). Если верно, что он преподавал в Оксфорде в 1301 г. (К. Михальски), то его реализм был сугубо спонтанным, и в число «новых» («modernes») логиков, которых он критиковал, не мог входить Оккам. Против них Бурлей выдвигал два основных положения: «quod universalia de genere substantiae sunt extra animam»*** и «quod propositio componitur ex rebus extra animam» * * * *. Так что реализм универсалий тогда еще был жив независимо от интерпретации, которую дал ему Дуне Скот.

Сложнее обстоит дело с оксфордским францисканцем Джоном (Иоанном) Родингтоном (Rodington). Находящийся под влиянием Франческо из Марча и, возможно, самого Дунса Скота, он тем не менее расходится с «тонким доктором» по крайней мере по одному важному вопросу. В середине XIV века Родингтон поддерживает старый августицизм с его идеей божественного просвещения и делает это даже в тех же самых терминах («cognoscere certitudinaliter»****), которыми пользовались францисканские учителя в XIII веке. Поэтому, вероятно, нет необходимости обращаться для объяснения его критики естественного знания к влиянию оккамизма. Если кто-либо согласен с тем, что предпосылкой всякого надежного знания является просвещение интеллекта божественными идеями, то, значит, он соглаша-

ется и с тем, что без этого просвещения никакое надежное знание невозможно. Францисканцы XIII века вывели отсюда такое следствие: основа наших естественных наук имеет теологический характер, и они в большей степени обусловлены божественными идеями, нежели своими объектами. Родингтон, различая три рода знания и его надежности, следует сходному принципу (К. Махальски): знание, выводы из которого опираются на более прочные основания, чем контрарные основания, или вероятность; знание, основания которого столь очевидны, что интеллект, применяясь к ним, не может их не принять; наконец знание, очевидность которого столь велика, что вообще исключает любые сомнения, — такое знание возможно лишь благодаря божественному